

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ ОБЩЕГО РОДА, НАЗЫВАЮЩИЕ ЛЮБИМОГО ЧЕЛОВЕКА В ЯРОСЛАВСКИХ ГОВОРАХ

В настоящей статье изложены наблюдения над лексико-семантическими свойствами имен существительных общего рода, являющихся в ярославских говорах наименованиями любимого человека. Предпринята попытка установить мотивационные связи слов данной группы в народно-разговорной речи и фольклоре.

Ключевые слова: имя существительное, общий род, лексема, лексическое значение, мотивация, наименование, диалект, русские народные говоры, ярославские говоры, фольклор, частушка, любимый человек.

S. L. Gurskaya

THE NOUNS OF A COMMON GENDER NAMING THE FAVOURITE PERSON IN THE YAROSLAVL DIALECTS

In the present article supervision over lexico-semantic properties of nouns of the common gender which in the Yaroslavl dialects are names of the favourite person are stated. An attempt is undertaken to establish motivational communications of words of the given group in national-informal speech and folklore.

Key words: noun, common gender, lexeme, lexical value, motivation, the name, dialect, Russian national dialects, the Yaroslavl dialects, folklore, the chastooshka, the favourite person.

Как отмечает Т.И. Вендина, «среди нравственных императивов любой культуры Любовь занимает особое место ... она составляет основу и суть нравственной жизни человека» [3. С.219]. «В отличие от литературного языка с его сдержанностью в наполнении “лексикона” Любви, в диалектах наблюдается удивительное богатство вербального оснащения этого важного фрагмента традиционной культуры» [3. С.242].

Предметом нашего рассмотрения являются имена существительные общего рода, называющие любимого человека в ярославских говорах: *дроля, дролочка, дролинька, дролька, дроха, забава, забавочка, завлекашка, зазнобинка, залёта, залётка, залёточка, земляничка, золотинка, изюминка, камора, милаха, надёжа, надёженька, ненагляда, повада, повадушка, помилаша, помилашка, прихехе, прихехеня, прихехенечка, прихехенька, прихечка, ягодка, ягодина, ягодинка, ягодиночка*. При этом нет слов общего рода, называющих человека, которого разлюбили, или того, кто не отвечает взаимностью, что «еще раз косвенно свидетельствует о значимости этого чувства в жизни человека» [3. С.250].

В рассматриваемую группу входят существительные, характерные для устного народного творчества: слова *забава, забавочка, земляничка, изюминка, надёжа, надёженька, повадушка, прихехе, прихехеня, прихехенечка,*

прихехенька имеют в ЯОС помету «фольклорное», а лексемы *дроля, дролочка, дролинька, дролька, залёта, залётка, залёточка, прихечка, ягодка, ягодина, ягодинка, ягодиночка* чаще всего употребляются в частушках. При этом для народно-поэтических слов с лексическим значением ‘любимый, любимая’ характерно преобладание оценочного компонента над номинативным; их назначение – выразить любовь, симпатию, расположение, назвать близкого человека ласково, приветливо. Как указывает Н.Д. Арутюнова, такие высказывания «стремятся оторваться от свойств референта. Оценка обусловлена субъективными вкусами, интересами и взглядами (социальными, этическими, эстетическими) говорящего, группы говорящих, определенной части общества» [2. С.230].

Существительные общего рода, называющие любимого человека, могут быть мотивированы общенародными и диалектными глаголами с архисемой ‘любить’, то есть ‘чувствовать горячую сердечную склонность, влечение к лицу другого пола’ [10. Т.6. С.429]. Так, глагол *дрóлится*, известный в русских говорах в значениях ‘иметь любовные отношения с кем-либо’ (арх., иван.) и ‘гулять, проводить время с любимым’ (свердл.) [7. В.8. С.199], является мотивирующим для распространенных во многих районах Ярославской области слов с корнем *дрол’-*, называющих милого, возлюбленного человека: *дрóля* (ср.: *У подружки дроля Ко-*

ля, ну и мне бы завести. Пошех.), *дрóлинька, дрóлечка* (ср.: *Дролечка не забывает на чужой сторонушке*. Тут.), *дрóлька* (ср.: *Пойду к дрóльке на свиданье*. Больш.) [12. В.4. С.20]. В Угличском р-не нами была записана частушка: *Уж я дрóленьку свою работать не заставлю – Сам я печку истоплю, самовар поставлю* (д. Патрикеево).

Указанные лексемы распространены и в других севернорусских говорах (ср.: *Дроля уехал, веселье увез*. Олон.; *Я на мельнице была – чего накудесила: Часы с помельщика сняла, на дрóленьку повесила*. Арх.; *Вон 20 на угоре сидят, все мои дрóльки*. Арх.), причем они подаются в СРНГ по отношению к архангельским говорам с пометой «чаще муж. рода» и примечанием «слова эти сравнительно новые», так как зафиксированы они были уже в XX веке [7. В.8. С.198-199].

Слово с шутовой окраской *камóра* ‘любимый, любимая’ (ср.: *Ты камору-то еще не завела здесь?* Угл.; *Хорошо тебе, вон у тебя какой камора*. Пересл.) образовано от глагола *камóриться* ‘испытывать взаимную любовь’, ср.: *Два года они уже каморятся* (Пересл.) [12. В.5. С.17].

Хорошо известны ярославским говорам однокоренные слова *залётка* (ср.: *Проводила милого до самого Данилова, Только стала забывать – залётка едет побывать*. Люб.), *залёточка* (ср.: *У залёточки мово другая появилась*. Рост.) и *залёта* (ср.: *У залёты мати бес, выбирает всех невест*. Г.-Ям.) [12. В.4. С.80]. В Угличском р-не нами были записаны частушки, содержащие рассматриваемые лексические единицы: *Мы с залёточкой сидели у поленницы, у дров. Раскатилась поленница – и кончилась любовь* (д. Патрикеево); *У залётки моего поговорочка на О. Он на О и я на О – у нас и пара ничего* (д. Потопчино). Эти материалы показывают, что «на путях предельно близкого сближения с бытовой речью частушки нередко мастерски обыгрывают выразительные местные слова, обороты, диалектное произношение» [1. С.698].

Рассматриваемые лексемы могут быть мотивированы переносным значением глагола *залетать* ‘попадать, проникать куда-либо’ [10. Т.4. С.609]; ср. значение фразеологического оборота *покорить чье-либо сердце* ‘заставить кого-либо ответить взаимностью’ [11. С.736]. По данным СРНГ, слова *залётка* и *залёточка* в значении ‘возлюбленный; возлюбленная’ рас-

пространены во многих севернорусских, среднерусских и уральских говорах; ср.: *Залётками у нас парней называли, парень девку обхаживает, нравится она ему, дак он у ней залётка* (моск.); *Отдадут меня в солдаты, вся семейка за мной, А залётка дорогая пойдет правой стороной* (твер.); *Ой какая долгая неделя семиденная. Без залёточки одной не спится ночка темная* (Заурал.), а слово *залёта* отмечено в томских и прииртышских говорах (*Мой миленок на войне, он воюет на коне. Ты воюй, залёта, там, а я выйду, дроби дам*. Ср. Прииртыш.). Кроме того, в псковских и смоленских говорах зафиксировано слово *залётка* в значении ‘тот, кто явился из другого места, редкий посетитель’ [7. В.10. С.202-203]. Приведенные контексты показывают, что указанные однокоренные лексемы употребляются преимущественно как существительные мужского рода.

В Ярославском районе бытует слово *прияточка* ‘возлюбленный (-ая)’, ср.: *За прияточку ругают, буду крадучись любить* [12. В.8. С.96], имеющееся также в вологодских, ленинградских, псковских говорах, ср.: *Знать случай не подошел, к другой прияточка ушел* (пск.) [7. В.32. С.76]. Так называют человека *приятного*, то есть ‘доставляющего удовольствие, радость’, ‘привлекательного, нравящегося // вызывающего симпатию, расположение’ [10. Т.11. С.903]; ср. значение общенародного слова *приятель* ‘человек, с которым сложились хорошие, простые отношения, близкий знакомый’ [8. Т.3. С.460], а также диалектных слов *приятель* ‘о любимом человеке; женихе, муже’ (арх., волог.), *приятка* ‘любимый человек; милый, милая’ (волог., ленингр., новг., пск.) [7. В.32. С.75-76], *приятная* (в знач. сущ.) ‘обращение к женщине’ (Некр., Пошех.) [12. В.8. С.96]. По-видимому, эти лексемы связаны с глаголом *приятъ*, известным народным говорам в значениях ‘приласкать’ (вят., перм., тул., орл.) и ‘угодить, постараться быть приятным’ (смол.) [7. В.32. С.76]. Глагол *приятти* был представлен в памятниках древнерусской письменности в значениях ‘любить, доброжелательствовать’, ‘заботиться, иметь попечение’, ‘быть преданным, верным’ [9. В.20. С.91].

Бытующее в пошехонских говорах ласкательное слово *засно́бинка* ‘милый (-ая), возлюбленный (-ая)’ [12. В.4. С.72], уменьшительное от устаревшего и просторечного *засно́ба* ‘предмет любви; возлюбленная’ [8. Т.1. С.522], употребляется также в вологодских, олонечских,

новгородских и владимирских говорах, ср.: *Деревнюшка небольшая, из худых она худа, Там мой миленький зазнобинка, поманиват туда* (влад.); *Пойду плясать по соломинке, Сердечко болит по зазнобинке* (новг.) [7. В.10. С.95]. В словаре В.И. Даля это слово подано как многозначное: «*Зазнобинка* любовь, и // тот или та, в кого влюблен» [4. Т.1. С.1447]. Указанная лексема мотивирована народно-поэтическим глаголом *зазнобить* ‘влюбить в себя, возбудить любовь’; ср. у Н.А. Некрасова: *Зазнобила меня, молодца, Степанида, соседская дочь, Я посватал ее у отца* [8. Т.1. С.522], входящим также в устойчивое сочетание *зазнобить чье-либо сердце* ‘пробудить страсть, любовное влечение’; ср. у И.З. Сурикова: *Молодой ямицик печально Песню напеваает... Верно, сердце зазнобила Девка-лиходейка, Верно, парня разлучила С ней судьба-злодейка* [10. Т.4. С.466].

В Борисоглебском районе любимый человек именуется *завлекáшка*, ср.: *Вон завлекашка твой идет* [12. В.4. С.59]; это слово мотивировано глаголом *завлекáть* ‘стараться влюбить в себя, заинтересовать собой’, свойственным разговорной речи [10. Т.4. С.308-309]. Однокоренные синонимы *завлэ́ка*, *завлекáша* (ср.: *Завлекаша может и девка и парень, который завлекает, за им бегают*) и *завлекáшечка* отмечены в говорах Урала и Зауралья [7. В.9. С.321].

В ярославских говорах любимого человека называют *заба́ва* и *заба́вочка*, ср. в частушках: *Не свети-ко, месяц ясный, мне и так светлешенько. Не поминайте про забаву, мне и так грустнешенько; Все хорошие ребята, только нет забавочки* (Тут.) [12. В.4. С.52]. Ласкательное *забавочка* ‘возлюбленный, возлюбленная’ бытует также в вологодских, ивановских, псковских, новгородских говорах, ср.: *Я сидел на лавочке при своей забавочке* (иван.); *Как те, реченька, не тесно между камешков бежать? Как, забавочка, не совестно другую провожать?* (новг.) [7. В.9. С.240]. При этом слово *забава* связано по значению с глаголом *заба́вить* ‘увлечь, завлечь кого-либо’ (смол.) [7. В.9. С.239], то есть так называют человека, который радуется, доставляет удовольствие, завлекает. Но это слово можно рассматривать и как результат лексико-семантического способа словообразования, при котором народно-поэтическое *забава* ‘о возлюбленном или возлюбленной’ возникло на базе исходного отвле-

ченного значения этой лексемы ‘развлечение, потеха’ [10. Т.4. С.212].

Основой для возникновения в ярославских говорах слов общего рода, обозначающих любимого человека, могут служить и другие существительные с абстрактным значением. Например, основное значение лексемы *надё́жа* в ярославских, как и в других говорах, – ‘надежда’, ср.: *На Алексея была надё́жа* (Угл.); *Ты вот теперь в надё́же* (Рыб.), а в говорах Пошехонья слово *надё́жа* (и производное от него *надё́женька*) употребляется в качестве ласкового обращения к близкому, любимому человеку [12. В.6. С.91]. Эти фольклорные наименования любимого человека известны многим русским народным говорам [7. В.19. С.228-229]. В древнерусском языке слово *наде́жа* было известно также в двух значениях: ‘надежда, упование’ и ‘тот, на кого надеются’ [9. В.10. С.65].

Самое распространенное значение полисеманта *пова́да* в ярославских говорах – ‘веселье’, ср.: *Какая тебе, старухе, еще повада нужна?* (Больш.). В Пошехонском р-не эта лексема является синонимичной слову *бесе́да* (‘в старой деревне – вечернее собрание молодежи с пением, плясками, а иногда и с работой (пряли, вязали) // вечеринка’), а в Мышкинском районе она употребляется в значении ‘милый, любимый’ (ср.: *Как мне неповадно одной-то, скоро ли придет ко мне дорогой повада?*). Как наименование любимого человека зафиксировано в ярославском фольклоре и производное слово *пова́душка*, ср.: *Увези, повадушка, да в камени палатушку* [12. В.8. С.13-14].

В русских говорах слово *повада* представлено как в близких, так и в иных, в частности, абстрактных значениях ‘наклонность, привычка’ (арх., моск., смол., самар.), ‘помощь, поддержка, содействие’ (моск., смол.), ‘всё, что манит, привлекает; соблазн’, ‘посиделки, вечеринки, в которых принимает участие молодежь из других деревень’, ‘веселье’ (волог.), а также служит наименованием любовницы (волог.) [7. В.27. С.213]. Во всех перечисленных значениях этого слова можно выделить общую сему ‘приятно’, характерную и для однокоренных лексем, бытующих в ярославских говорах: *пова́дистый* и *пова́дный* ‘разговорчивый, общительный, веселый’ (ср.: *Он такой повадистый*. Г.-Ям.; *Сосед у нас повадный, с ним никогда не соскучишься*. Брейт.; *Ваньшу пригласи, он повадный, весело будет*. Рост.); *пова́дливость* ‘приветливость,

общительность, веселость’, ‘обычай, привычка’; *повѣдностъ* ‘вечеринка, посиделка’, ‘веселье’ [12. В.8. С.13-14].

В качестве наименования любимого человека в ярославских говорах употребляются имена существительные, в своих исконных значениях называющие конкретные предметы, а именно ягоды. Общенародному языку известна лексема *ягодка* не только в предметном значении, но и как ласковое наименование женщины [8. Т.4. С.778], а в ярославских говорах широко употребляются следующие слова общего рода с корнем *ягод-*, называющие любимого человека: *ягодка* (ср. в частушке: *Пойду, пойду к тому дому, ко проклятому приему, За ругаю я тово, кто принял ягодку мово*), *ягодина*, *ягодинка*, *ягодиночка* (ср.: *Ягодиночка моя, сорока белобокая, Раньше я тебя любил, теперь гора высокая*. Рыб.) [12. В.10. С.91].

Ласкательное слово *земляничинка* имеет значение ‘одна ягода земляники’, а в говорах Пошехонья (так же, как в псковских и саратовских) оно употребляется в значении ‘милый(-ая), любимый(-ая)’, ср.: *Посидел бы с тобой рядом, земляничинка моя* [7. В.11. С.257]. В Ростовском р-не бытует слово *изюминка* ‘о любимом человеке’ [12. В.4. С.141], которое в литературном языке известно как в прямом значении ‘одна ягода изюма’, так и в переносном – ‘о чем-либо своеобразном, привлекающем остротой, живостью и т. п.’ [10. Т.5. С.273]. В калужских говорах это существительное общего рода характеризует красавца или красавицу [7. В.12. С.179]. Как отмечает Е.А.Костюхин, «в народной поэзии ягода – эротический символ. Цветение растений, созревание плодов означает в песнях любовь» [5. С. 260].

В разных районах Ярославской области бытуют немотивированные однокоренные лексемы, номинирующие любимого человека, а также любовника или любовницу: *прихехэ* (ср.: *Мой прихехе в город уехал*. Некр.), *прихехенечка* (ср.: *У меня, у щеголявой, прихехенечка кудрявый*. Пошех.; *Прихехенечку мою сватают, пойду на перебой*. Рыб.), *прихехенька*, *прихехеня* (ср.: *Сегодня твой прихехеня прийти должен*. Рыб.) [12. В. 8. С.94]. Заметим, что несклоняемое существительное общего рода *прихехе* в вологодских говорах имеет не только значение ‘возлюбленный, возлюбленная’, но и значение ‘ненормальный, умственно отсталый человек’ [6. В. 8 С.69]. По-видимому, как для влюбленного, так и для умственно отсталого человека

характерно состояние, когда разум не только не контролирует чувства, но, напротив, чувства берут верх над разумом; ср. значение фразеологизма *потерять голову (разум)* – ‘безрассудно влюбиться’ [11. С.133].

К рассматриваемой группе слов со значением ‘любимый, любимая’ примыкают в ярославских говорах лексемы, обозначающие человека, вызывающего жалость, сострадание: *миляга*, *сердяга*.

Сущ. *миляга* приведено у В.И. Даля с пометой «олон.»: «бедняжка, жалкий человек. *Миляга ты мой, сердечный, желанный, болезный*» [4. Т.2. С.850]. В ярославских говорах бытуют однокоренные лексемы *миляна* (Некоуз.) и *милянка* (Рост.), употребляющиеся как ласковое обращение к ребенку [12. В.6. С.47] и передающие сочувственное, заботливое отношение. По данным СРНГ, слово *миляга* в указанном значении известно многим севернорусским говорам. Кроме того, в вологодских говорах так говорят о ком-либо в шутовском или насмешливом тоне (*Эдак какой-то миляга добрался до вина, едва на ногах стоит*), а в архангельских – называют любовника, любовницу [7. В.18. С.165].

Слово *сердяга* также подается в словаре В.И. Даля как олонецкое: «сердеш(ч)ный, болезный, о ком жалею и по ком болею сердцем. *Один он сердяга бьется как рыба об лед*» [4. Т.4. С.132]. В курских говорах имеется однокоренное *сердяка* ‘бедняга, родимый, милый человек’, употребляющееся с оттенком сострадания, жалости [7. В.37. С.195]. Возможно, данные лексемы мотивированы древнерусским прилагательным *сердый* ‘душевный, добрый’, ср.: *И бысть [Иван Васильевич] велми премудр, и храбр, и серд, и крепорук, и силен телом* (Каз. ист., 73. XVI в.) [9. В.24. С.80]. Можно предположить их связь и со словом *сердце*, являющимся символом средоточия чувств, переживаний, настроений человека [8. Т.4. С.80].

В Ярославском районе бытует слово *болѣзка* ‘о сердечном, милом, дорогом человеке’ (ср.: *Где наша-то болѣзка?*), которое употребляется и как ласковое обращение (Некр., Тут.). Это наименование также относится к человеку, которого жалеют, за которого болеют душой, ср. в ярославских говорах *болѣть* – ‘жалеть’, *болѣзный* (в знач. сущ.) – ‘вызывающий жалость, сострадание; несчастный’ и ‘родной, милый, дорогой, любимый, близкий’ [12. В.2. С.10]. Слово *болѣзка* известно в среднерус-

ских говорах в следующих значениях: 'о сердечном, милом, желанном человеке', 'сострада- тельный, мягкосердечный человек', 'ласковое обращение к человеку, особенно ребенку' [7. В.3. С.72].

Таким образом, в именах, называющих любимого человека, прослеживается «с одной стороны, отношение субъекта к предмету своей любви, включая его собственные психологиче-

ские (и даже физиологические) ощущения, а с другой – интенции самого объекта любви. В этих любовных именах выявляется своеобразная система ценностей традиционной духовной культуры, ибо “милым и любимым” для человека является, как правило, то, что составляет основу его жизни, всего его существа» [3. С.247].

Сокращенные названия районов Ярославской области

Больш. – Большесельский, Г.-Ям. – Гаврилов-Ямский, Люб. – Любимский, Некоуз. – Некоузский, Некр. – Некрасовский, Пересл. – Переславский, Пошех. – Пошехонский, Рост. – Ростовский, Рыб. – Рыбинский, Тут. – Тутаевский, Угл. – Угличский.

Библиографический список

1. Аникин, В.П. Русское устное народное творчество [Текст] / В.П. Аникин. – М., 2001.
2. Арутюнова, Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения [Текст] / Н.Д.Арутюнова // Аспекты семантических исследований. – М., 1980.
3. Вендина, Т.И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры [Текст] / Т.И. Вендина. – М., 2007.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. [Текст] / В.И. Даль; под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. Репринт. воспроизведение изд. 1903-1909 гг. – М., 1998.
5. Костюхин, Е.А. Лекции по русскому фольклору [Текст] / Е.А. Костюхин. – М., 2004.
6. Словарь вологодских говоров [Текст]. – Вологда, 1983-1997. Вып. 1-8.
7. Словарь русских народных говоров [Текст]. – М.; Л. (СПб.), 1965-2006. Вып. 1-40.
8. Словарь русского языка: в 4 т. [Текст] / под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1981-1984.
9. Словарь русского языка XI-XVII вв. [Текст]. – М., 1975-2002. Вып. 1-26.
10. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. [Текст]. – М.; Л., 1950-1965.
11. Современный толковый словарь русского языка [Текст] / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб., 2001.
12. Ярославский областной словарь: в 10 вып. [Текст] / под ред. Г.Г. Мельниченко. – Ярославль, 1981-1991.

Л. И. Зимина

КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ И ИССЛЕДОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Статья посвящена актуальной проблеме современной лингвистики – изучению национальной специфики фразеологической семантики в контрастивном аспекте. Исследование выполнено в рамках контрастивной методики. Контрастивный анализ позволяет выявить национально-специфические особенности семантики фразеологических единиц немецкого языка на фоне языка сопоставления (русского).

Ключевые слова: национальная специфика, контрастивный анализ, фразеологическая семантика, семантический анализ фразеологических единиц, национально-специфические черты/особенности семантики.

L. I. Zimina

THE CONTRASTIVE ANALYSIS AND RESEARCH OF NATIONAL SPECIFICITY OF PHRASEOLOGICAL SEMANTICS

This article is devoted to the actual linguistic problem – the study of national identity of phraseological semantics in contrastive aspect. The research is carried out within the framework of contrastive methods. The contrastive analysis allows to reveal national specific patterns of phraseological units in the German language against the Russian language background.

Key words: national identity, contrastive analysis, phraseological semantics, semantic (component) analysis of phraseological units, national specific patterns of semantics.